

Двадцать лет спустя

11 марта 1985 года на внеочередном Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС

В Советском Союзе началась перестройка. 20 лет спустя Горбачев-фонд подготовил аналитический доклад, посвященный важному историческому периоду в жизни России, так и не получивший однозначной оценки в обществе. Сегодня «Магнитогорский металл» публикует наиболее интересные выдержки из этого доклада.

Необходимость обновления общества

Отставание СССР в мировой технологической конкуренции становилось все более осязаемым. Наиболее развитые страны мира уже вступили в постиндустриальную эпоху, а Советский Союз задержался на предыдущей — индустриальной — стадии развития. Почти до нулевой отметки упали темпы экономического роста, производительность труда была в несколько раз ниже, чем в западных странах.

Отечественная экономика приобрела расточительно-затратный характер: превосходя многих по добыче полезных ископаемых, по объемам производства чугуна, стали, электроэнергии и т. д., СССР резко отставал по выпуску конечной продукции, не говоря уже о ее качестве. Гражданские сектора производства испытывали непомерное давление военно-промышленного комплекса.

Угроза ядерного апокалипсиса побуждала искать неординарные пути выхода из этой ситуации. Развязать гордиев узел можно было, лишь изменив сложившийся конфронтационный миропорядок.

Таким образом, совокупность факторов: материальных и духовных, экономических и социально-политических, внутренних и внешних — объективно диктовала необходимость реформ.

Магистральное направление перемен виделось большинству советских людей в реформировании существовавшей в СССР формы социализма. Опросы общественного мнения даже в конце 80-х годов показывали, что сторонники перехода к капитализму находились в явном меньшинстве. Наиболее популярной оставалась идея «очищения социализма» от деформаций (коррупции, несправедливости в распределении материальных благ, антиобщественных проявлений и т. д.). В этом смысле перестройка являлась продолжением и развитием идеалов справедливости, равенства и братства времен Октябрьской революции и в то же время отрицанием постреволюционной тоталитарной практики и идеологии сталинизма.

Глубокое обновление политики требовало «смены вех» и среди высшего руководства страны. Геронтократия в Кремле вызвала растущее раздражение граждан. Михаил Горбачев, как лидер партии и государства, воспринимался ими как представитель нового, постсталинского поколения советских руководителей, которому не свойственны идеологическая зашоренность и подозрительное отношение к независимой инициативе.

Здоровый прагматизм у Горбачева сочетался с готовностью внести в советскую политику утраченное ею нравственное измерение. Глубоко моральная позиция Горбачева проявлялась в том, что на крутых поворотах перестройки эпохи он стремился решать даже самые острые проблемы мирным путем, принципиально избегая кровопролития. Благодаря ему, в отечественной политике возродился демократический стиль прямого, открытого, честного общения с людьми, присущий подлинным представителям российской интеллигенции.

В то же время новое руководство могло рассчитывать на относительно устойчивую поддержку двух групп отечественной бюрократии. Одна из них — партийные интеллигенты, чьи взгляды сформировались под сильным влиянием хрущевской «оттепели». В идеологическом плане они тяготели к «социализму с человеческим лицом» — концепции, отчасти навеянной идеями конвергенции капитализма и социализма. Для них перестройка означала уникальную возможность продолжить позитивные изменения, начатые в годы правления Н. Хрущева и прерванные режиссированным сталинизмом в период брежневского застоя.

К другой группе принадлежали «технократы» — управленцы советской экономики, которые трезво оценивали ее реальное состояние, понимали, что Советский Союз фактически «прозевал» технологическую революцию 70-х годов, и видели в реформах рыночного типа возможность повышения

эффективности советской системы. У реформ было немало потенциальных сторонников в госаппарате, отдававших себе отчет в том, что мировой баланс сил менялся не в пользу СССР.

Логика развития перестройки

В самом общем виде логику перестройки можно определить так: это были реформы сверху с целью кардинального обновления системы, которые переросли в массовое движение снизу. В концептуальном плане магистральную линию перестройки ставила идея перехода от авторитарно-бюрократического социализма к его гуманистической модели, чьи контуры были очерчены в мировой социалистической мысли.

Внутренняя диалектика перестройки состояла в том, что гласность и демократизация, поначалу рассматривавшиеся реформаторами, скорее, инструментально, как средства для «ремонта» существующего социализма, вскоре, по мере того как набирало силу новое понимание социализма как гуман

нистического и демократического строя, превратились в самостоятельные цели: гласность преобразовалась в свободу слова, демократизация — в политическую демократию. Инициаторами реформаторами социально-политическая динамика приобрела, таким образом, собственную логику развития. Пик демократических преобразований в СССР пришелся на конец 80-х годов. Именно тогда общественная самостоятельность стала принимать массовый, нередко спонтанный характер.

Инициаторы перестройки стремились направить накопившуюся, не востребованную прежде энергию масс в русло созидания и социального творчества. И все же, несмотря на позитивные устремления части элиты и большинства общества, развернувшиеся в стране процессы столкнулись с серьезными трудностями.

По мере того как советская номенклатура обнаруживала в перестройке угрозу своим доминирующим позициям в отечественной идеологической и социально-экономической системе, она начала все активнее препятствовать кардинальному обновлению страны, пытаясь выхолостить смысл реформы, превратить ее в очередную технократическую (а еще лучше — косметическую) новацию, не затрагивающую глубинных основ общественного бытия.

Реформаторы фактически столкнулись с протестом большинства советского правящего слоя. Перестройка оборвалась.

Что дала перестройка стране и миру?

В последнее время стали модными два противоположных мифа о перестройке. Первый миф рассматривает ее как «смутное время», для которого характерны в основном разрушительные процессы, нанесенные на уничтожение традиционного российского государства. Второй миф, напротив, считает эту традиционную систему настолько прочной, что она якобы не поддавалась никаким радикальным реформам, а потому, мол, перестройка была заранее обречена на поражение.

Оба эти мифа противоречат исторической действительности, призваны принизить исторические достижения перестройки, давшей толчок демократическому обновлению страны и всего мира.

Начав перестройку под знаком возрождения и реализации ленинских идей перешли к глубокому преобразованию всех сфер советского общества, начиная с идеологии и кончая экономикой. В духе традиций XX съезда партии реформаторы категорически осудили репрессивный сталинский режим в качестве противоречащий демократическим идеалам и гуманистическим ценностям социализма. Исходя из этой установки, началось активное освобождение от тоталитарного идеологического наследия сталинской эпохи. За годы перестройки были реабилитированы сотни тысяч узников ГУЛАГА.

Постепенно происходило освобождение советского общества и от остатков тоталитаризма застойного периода. Административно-командная система эпохи «развитого социализма», тесно связанная с именем Брежнева, заменялась системой социал-демократического характера, инициируемой Горбачевым и его окружением. Уже в первые годы перестройки демократия в стране стало намного больше, чем прежде.

Бытует мнение, что перестройка не

имела четкого плана действий, что реформ было немало потенциальных сторонников в госаппарате, отдававших себе отчет в том, что мировой баланс сил менялся не в пользу СССР. Это мнение противоречит фактам. Основная идея концепции перестройки состояла в освобождении общества от деформаций и последствий «культ личности», застойного периода, от всего того, что тормозило демократическое обновление. Сердцевинной этой идеи было возвращение человека, как главной фигуры, в политику, экономику и духовную сферу, преодоление его отчуждения от производства, власти и культуры.

Перестройка обесценила выход страны из тоталитаризма, покончив с монополией одной партии и идеологии, открыла советскому обществу демократическую перспективу. Были осуществлены такие «нетрадиционные» для СССР политические права и свободы, как свобода собраний, митингов и демонстраций, создание политических организаций и партий, беспрепятственный выезд граждан за границу, реальное обеспечение свободы совести.

Плюрализм в политике и свободная экономика, свобода вероисповедания и многопартийность, демократические выборы, отмена цензуры — эти и другие свободы, права, возможности были привнесены в нашу жизнь перестройкой. Даже если они не реализованы в полной мере, движение в этом направлении, начатое перестройкой, неостановимо.

Радикальные перемены коснулись экономической сферы. Среди критиков перестройки распространено мнение, что экономическим преобразованиям того времени не хватало радикализма, решительности и последовательности, что они были направлены не на создание нового хозяйственного уклада, а на попытку усовершенствования прежней неэффективной системы. Согласно этой точке зрения, именно экономические неудачи перестройки предопределили ее поражение.

В стране начала складываться социально ориентированная рыночная экономика. Наряду с колхозами и совхозами возникли арендные предприятия и фермерские хозяйства. Появились тысячи кооперативов.

Уже этот далеко не полный перечень достижений перестройки полностью опровергает распространяемое мнение о том, что советская система не поддавалась реформированию и потому, дескать, реформаторы не могли достигнуть своих конечных целей. На наш взгляд, подобное мнение во многом субъективно. Во-первых, очевидно, что в ходе перестройки были осуществлены многие ее цели. Во-вторых, не следует забывать, что перестройка была искусственно прервана роспуском Советского Союза, который инициировали сепаратистские настроения руководителей трех союзных республик, отказавшихся подписать новый Союзный договор, подготовленный ими же вместе с Горбачевым.

Кто и почему развалил Союз

Ура-патриоты и неосталинсты рьяно доказывают, что Советский Союз развалили Горбачев и его перестройка. Таким образом отбрасывается внимание от подлинных виновников развала державы в лице облебенных сидельцев Ельцина, Кравчука и Шушквича.

На самом деле, реформируя Союз, Горбачев хотел одного: превратить его в подлинную, действенную федерацию, органически сочетающую сильный центр и независимые самостоятельные республики. Не секрет, что Советский Союз был построен на почвенной сталинской идее автономизации, полностью подчиняющей национальные республики центру. Перестройка хотела покончить с такой национальной политикой.

Судьбоносным вызовом стала новая реальность: становление вырвавшихся в лоне Советского Союза благодаря политике федерального центра национальных протогосударств — союзных республик и амбициозных местных элит. Произшло смешение национальной и федеративной проблематики. Развязать этот тугой узел проблем, амбиций и противоречий можно было только путем решительной модернизации советского федерализма, придания ему современного облика.

Перестройка, безусловно, стимулировала рост национального самосознания в республиках. Однако реформаторы и интеллигентная элита Советского Союза оказались неподготовленными к столь явным проявлениям националистических предрассудков, раскола, вражды. Власть реформаторов не сумела остановить разрушительную деятельность сепаратистов. Необходимо было подвести новый фундамент под государственное устройство СССР. Высшее политическое руководство СССР осознавало это. Однако оно, видимо, перенецало запас прочности советского строя и, глав-

но, недооценило масштаб своекорыстия и амбиций национальных элит.

Крайне негативную роль в судьбе СССР сыграла позиция политического руководства РСФСР во главе с Б. Ельциным. Под прикрытием вполне законного требования — более полно удовлетворения потребностей населения России — оно фактически торжествовало все проекты Союзного договора. Объективно оно вело дело к разрушению единой страны.

Противоречия и ошибки. Историческое значение перестройки

Спустя два десятилетия легко рассуждать о том, что в ходе перестройки было сделано не так, в чем ошибались, а где роковым образом сошлись негативные обстоятельства. Но в то время мы, советские люди — от рядовых граждан до руководителей, — мало что знали и многого не понимали. На начальном этапе перестройки остро ощущалось противоречие между необходимостью преобразований, политической волей к ним, с одной стороны, и идеологическими ограничениями, плотно вошедшими в сознание людей, с другой.

Страна находилась в мировоззренческом коридоре, очерченном ее предшествующим развитием. Чтобы выйти за его рамки, приходилось действовать методом проб и ошибок, полагаясь на здравый смысл и интуицию. Но цели перестройки оставались неизменными: создать свободное, демократическое, справедливое и гуманное общество.

Вместе с тем первоначальная концепция постоянно видоизменялась и развивалась. В конечном счете реформаторское руководство СССР вышло на социал-демократическую модель обновления страны. Имелось в виду органическое сочетание ценностей социализма и демократии, социально ориентированная экономика, ответственное государство.

Во все исторические времена существовала вера в чудотворное и немедленное улучшение жизни. Однако на деле повседневная жизнь основной массы населения в условиях реформ, как правило, ухудшалась. В годы перестройки для создания социально-политической стабильности в обществе достаточно было заполнить потребительский рынок товарами и услугами. Как показывает опыт других стран «соисодружества», оживление сектора услуг, легкой промышленности, сельского хозяйства создавало амортизационную «подушку», смягчавшую неизбежные потери, трудности и лишения, связанные с демонтажем государственного социализма.

Однако доминирование в советской экономике гигантского военно-промышленного комплекса (при слабости сектора услуг и застойном сельском хозяйстве) существенно снижало возможности плавной либерализации хозяйственной жизни, быстрой структурной перестройки экономики. Добиться того же эффекта за счет массового импорта товаров не позволило обвальное падение мировых цен на энергоносители, основную статью советского экспорта. К этому, разумеется, надо добавить упорное сопротивление номенклатуры, нередко игравшей на обострение кризиса, чтобы заставить общество отвернуться от реформаторов. В результате формирующееся общество массового потребления оказалось обделено социальными политическими благами в стране. Этот драматический парадокс перестройки был следствием исторически сложившихся особенностей советского общества.

Оглядываясь назад, более отчетливо видны фундаментальные причины, затруднявшие реформирование советского общества. Неимоверно трудно проводить демократические преобразования в огромной стране, большая часть территории которой находится в суровых и неблагоприятных природных климатических условиях, а многочисленные народы принадлежат к различным историческим, этнокультурным и цивилизационным традициям. В процессе демократизации быстро оживали и набирали силу разноплановые конфликты и противоречия, накопившиеся за долгие совместные жизни. Они умело использовались равновесием на авансцене беззащитными идеологами и политиками.

На экономической политике негативно сказалось общее ослабление государственных институтов — результат нарастающего противостояния между реформаторским руководством страны и его политическими оппонентами в лице как партийных консерваторов, так и радикальных демократов. Прогрессирующее ослабление систем контроля, правопорядка разжигало стремление значительных слоев номенклатуры к фактическому захвату государственной собственности.

Было бы неверно и нечестно объяснять драматический финал перестройки исключительно объективными факторами и традиционным российским наследием. Немалую роль сыграли ошибки и просчеты перестройочного руководства, действовавшего в условиях жестокого цейтнота и быстро охватывавшего под перекрестным огнем со стороны националистов, консерваторов и радикалов, выступавших еди-

ном фронтом в стремлении свалить центральную власть.

До сих пор среди специалистов нет единого мнения о том, были ли реформаторским руководством Советского Союза допущены в ходе перестройки роковые просчеты, которых можно было избежать, или же у Горбачева и его соратников в сложнейших условиях 80-х — начала 90-х годов катастрофически сужалось пространство выбора, практически не оставляя альтернативы и возможности для маневра. По-видимому, возможности выбора в рамках проводившихся преобразований все же были, и сделанные ошибки серьезно усугубили ситуацию. Условно эти возможности и ошибки можно разделить на институциональные и административные.

К первой группе следует отнести неудачу реформаторского руководства СССР и КПСС с созданием собственной политической структуры и устойчивой массовой базы.

Хорошо известно, что СССР был «партийным государством», где политико-идеологическая инстанция в лице КПСС и государственные институты были неразрывно переплетены и взаимосвязаны, так что ослабление партии автоматически влекло за собой прогрессирующий паралич государства. Партия-государство оказалось довольно эффективным субъектом мобилизационного, ускоренного развития, хотя за это пришлось заплатить огромную цену народных лишений и страданий.

К нерешенным вопросам характера следует отнести недостаточное внимание к строгому соблюдению законности в рамках политического процесса, необходимой для сохранения общественной стабильности. Последствия этого недостатка проявились в ходе многочисленных этнических конфликтов, начиная с резни в Сумгаите в 1988 году. Не были приняты все необходимые меры по преследованию и наказанию инициаторов погромов, расформированию незаконных военизированных групп. Высокоморальная позиция Горбачева, считавшего абсолютно недопустимым кровопролитие в процессе реформирования страны, была воспринята как проявление слабости центральной власти, не примененной вовремя силу в рамках закона.

Столь же серьезные последствия имели ослабление контроля государства за соблюдением законов. Авантюристическое крыло демократического движения внедряло в общественное сознание тезис о том, что государство в России и Советском Союзе — по определению враг демократического прогресса. В результате сложилась ситуация, когда

нарушение законов становилось нормой, а реальное влияние в экономике стали прибирать к рукам мафиозные группировки, заинтересованные не в создании нормальной рыночной экономики, а в криминальном разделе государственной собственности.

Наконец, об историческом значении перестройки. Важным ее итогом стало преодоление международной изоляции, которая фактически на протяжении всего советского периода характеризовала отношения нашей страны и большей части мира, тяжелым бременем давая на экономику и создавая психологическую напряженность в жизни буквально каждого человека. В то же время для международных отношений открылись новые перспективы, возникли предпосылки для создания нового, демократического международного порядка, основанного на принципах международного права, солидарности и сотрудничества в решении проблем всего человечества.

Если отбросить словесную шелуху и идеологические нагромождения, то перестройка была одновременно как стихийным, неосознанным, так и сознательным, целенаправленным движением в направлении синтеза позитивных черт — социализма и капитализма. От социализма она должна была позаимствовать социальную справедливость и разветвленную систему социальной защиты, дополненную гуманистическим пафосом, от капитализма — возможности организации эффективной экономики и политической демократии.

Делая общий вывод, можно сказать, что в ходе перестройки удалось качественно изменить существующее советское общество, придать ему новое, демократическое измерение. Несмотря на сопротивление различных политических сил правого и левого толка, перестройка, в конечном итоге удалось сделать главное — создать реальные предпосылки для функционирования в СССР социал-демократической модели общества. В этом, на наш взгляд, и состоит ее историческое значение.

При весьма амбивалентном отношении к перестройке как таковой наши соотечественники высоко ценят ее завоевания, прежде всего в сфере гражданских и политических прав и свобод. До 70–80 процентов россиян в той или иной мере разделяют и поддерживают базовые демократические ценности, привнесенные в нашу жизнь перестройкой. Остается высоким и уровень одобрения многих внешнеполитических акций перестройочного периода.